

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІІ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВАН СССР
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

29) Ибн 'Абд ал-Хакам, Фугух Миср, с.180; Liber expugnatio-
nis regionum, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Belá-
dsorí. Ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866, с.214-215.

А.Б.Халидов

ДОКУМЕНТЫ О "ПЕРЕДАЧЕ" КНИГ И КНИЖНОГО ЗНАНИЯ
(по материалам арабских рукописей ЛО ИВ АН СССР)

Книги в средневековом арабско-мусульманском мире передавали от учителя к ученику, от одного ученого к другому, как эстафету. Передавали содержание книг, их тексты путем совместного прочтения и разбора вслух (книга, как вещь, разумеется, также переходила из рук в руки). Свое понимание текста должен был показать ученик, поэтому именно он выступал в качестве чтеца перед учителем, а когда училась группа, то перед всей аудиторией; или же ученики читали попеременно. Роль наставника состояла в том, чтобы следить за правильностью чтения, делать в нужных случаях замечания и поправки, объяснять, отвечать на вопросы и т.п.; в редких случаях, он читал сам. Когда вся книга была устно проработана, считалось, что ученики ее усвоили. При этом делалось различие между тем, кто читал, и тем, кто присутствовал на занятиях в качестве слушателя: первый усваивал заключенное в книге знание способом *қирá'а* ("чтение", "читка"), второй - способом *самá'* ("слушание"). В ходе занятий и даже заранее ученик мог выучить книгу наизусть и изготовить новую ее копию.

Изучение книги заканчивалось формальной процедурой: учащийся испрашивал и получал разрешение (*иджáзу*) учителя самостоятельно передавать текст книги с соответствующей ссылкой. После этого он мог на законных основаниях цитировать книгу устно и письменно, обучать по ней других. В его ссылке на учителя фигурировали слова "разрешение", "чтение", "слушание" или просто "от" ('ан), но существенным было полученное им от учителя "право передачи" (*хаққ ар-ривáйа*).

При повторении актов обучения по определенной книге образовывалась цепочка ее передатчиков, связанных отношениями учителя - ученика. Каждый передающий, становясь очередным звеном цепочки, был обязан ссылаться не только на своего непосредственного учителя, но и на его предшественников. Соответственно ссылка вырастала в перечень имен, перемежаемых предлогом "от" или более под-

робными указаниями о передаче, т. е. в санад ("опору"), или иснад ("подкрепление"). За годы своей педагогической деятельности учитель "передавал" одну книгу ряду лиц или несколько книг одному или многим лицам; учащийся также мог присоединиться к иснадной цепи передачи разных книг.

"Искатель знания" прорабатывал под руководством учителя одну книгу за другой и на каждую получал иджазу, затем переходил к другому преподавателю или одновременно занимался у нескольких преподавателей. Бывало так, что он совершал учебное путешествие (рихду), после завершения образования в одном месте перебирался в другой город и проходил курс у новых преподавателей по новым книгам; иногда он дважды штудировал ту же книгу. Практиковалось и взаимное обучение: меняясь ролями наставника и ученика, двое читали друг другу разные книги.

Мерилом образованности и авторитета ученого служило количество проработанных им книг и репутация его учителей. Формальные степени образования не были установлены, как не существовало переходных или выпускных экзаменов и шкалы оценок — опять-таки все зависело от сложности избранных книг и требовательности учителя. Продолжительность обучения не ограничивалась каким-нибудь сроком или предельным возрастом. Даже когда появились школы (мадраса, медресе), их программу составлял набор изучаемых книг. Не были известны и ученые степени. Но примечательно, что именно арабская формула обоснования "права передачи" послужила названием ученой степени бакалавр (от би-хаққ ал-ривāйа)¹⁾ в европейских университетах, развивавшихся на раннем этапе под некоторым влиянием арабских медресе. Вместе с тем известно и несколько иное употребление терминов иснад, ривāйа, иджаза и др.

В период становления арабской литературы, когда памятники устной словесности впервые фиксировались на письме, ссылками на информантов и цепи передатчиков стремились удостоверить хадисы и стихотворения, рассказы и предания, сообщения о фактах и событиях. Рāвийем называли того, кто хранил в своей памяти и исполнял стихи древних арабских поэтов; ривāйа означала версию или редакцию текстов, записываемых от равиев и передаваемых филологами.

Иджаза первоначально имела узкий смысл одобрения, или дозволения авторитетным знатоком передачи хадиса "по предъявлению" ('ард) — по памяти или по записи. Обычай проверять точность, полноту и неискаженность сообщений и словесных произведений через их повторное воспроизведение вслух при передаче от одного лица

другому также был распространен на раннем этапе развития арабской литературы. Одним словом, техника хранения и передачи вербально выраженной информации и соответствующая терминология были выработаны у арабов еще на заре письменности; сами термины прозрачно указывают на то, что они возникли в устной сфере и восходят, очевидно, к бесписьменному обществу доисламской Аравии. Разные виды и сочетания устного и письменного способов передачи знания сложились в VII—IX веках в целую систему, получившую наиболее полное развитие в области хадисоведения. Теоретики хадисоведения различали 6 или 8 способов передачи хадисов: *кирā'a*, *самā'*, *иджаз*, *мунавала*, *мука́таба*, *виджада*, *вақййа*, *нақл*.²⁾

Эта система непрерывно эволюционировала и все этапы эволюции нашли отражение в памятниках арабской письменности. Некоторые ее элементы отмирали, другие трансформировались. Наиболее острая перемена произошла, очевидно, в X в.: *иснады* при каждом хадисе и историческом известии исчезли, некоторые виды передачи знания утратили актуальность и т.п. С новой модификацией этой системы мы и встречаемся в книжной традиции.

Также с X в. свидетельство об имевшем место обучении по книге стало письменным документом. Он записывался либо на отдельном листе, либо непосредственно на экземпляре проработанной книги. Документы эти разнотипны: своего рода протоколы учебных заседаний по чтке книг, *иджазы* по поводу конкретных книг, *иджазы* общего типа, которые служили фактически дипломом об образовании. В последних речь может идти о передаче всего собрания сочинений одного автора, более или менее обширного круга сочинений по одной дисциплине или набора книг на разные темы. Документы могут быть краткими и стереотипными или пространными и изысканными. Их составление превратилось в предмет риторических упражнений и порой их ценили за литературные достоинства. Собрание *иджаз* одного учащегося составляет иногда целый том, который начинает циркулировать как отдельная поучительная книга, чаще всего под названием "*Машахат*" ("Перечень учителей") такого-то. Обоснованность *иджаз* колеблется в широких пределах: то с щепетильной честностью следили, чтобы они точно отражали факты, то откровенно допускали, чтобы они частично и даже целиком были фиктивными.

Самые ранние сохранившиеся документы восходят к концу X в. Садахаддин ал-Мунаджид³⁾ связывает их появление с рождением медицины, но в самих документах связь с учебными заведениями указывается не всегда. В каждом крупном собрании арабских рукописей

обнаруживается некоторое количество таких документов. Рукописное собрание ИО ИВ АН СССР дает небольшой и потому легко обозримый материал, который, однако, показателен как для типов документов, так и для употребляемых в них формулировок.

В рукописи С 949, которая происходит из г. Эрзинджана (Турция) и поступила в составе Ванской коллекции в 1916 г., мы находим иджазу в конце сочинения "ал-Мугнйй фй ус'ул ал-фикх" - "Исчерпывающий [труд] по основам фикха" Его автор ал-Хаббазй состоял преподавателем медресе ал-Хятунййа в Дамаске и умер в 691/1292 г.⁴⁾ Иджазы на л. IIIa начинается как самостоятельный текст с обычных вводных формул басмады, хамдалы, славословия шариату, пророку и его сподвижникам и далее гласит:

"А затем. Достойный ученый имам 'Алā'аддйн 'Алибак б. Нураддйн Хамза, проживающий в богохранном Эрзинджане, - да будет он защищен от бедствия! - прочитал мне полностью основы фикха, называемые «ал-Мугнйй», [труд] поистине исчерпывающий, в соответствии с его названием, принадлежащий ученому имаму, тонкому знатоку, славе общины, истине и веры, именуемому ал-Хаббазй, - да упокоит его Аллах на прохладном ложе. Он прочитал его, изучая и добираясь до истины, исследуя и проникая в тонкости, обсуждая со мной досконально запутанные места, обговаривая в словопрениии трудные отрывки, и просил иджазу на передачу этой книги. Испросив у Аллаха соизволения и помощи, я разрешил ему передавать эту книгу, ссылаясь на меня и соблюдая все требуемые условия. Я ожидал от него, что он помянет меня в добрых молитвах. Писал эти строки бедный раб богатого Аллаха 'Али б. 'Умар ал-Арзинджанйй, - да облегчит ему Аллах достижение целей и приведет его к хорошему концу, - 14 сафара 746 года по хиджре (16. VI. 1345 г.)".

Этот документ можно считать типичным по формулировкам и сообщаемым данным. Он содержит имя получателя, дату выдачи и подпись выдавшего преподавателя; имя автора и название изучаемого сочинения; указание на место и способ обучения, а именно - способ қирб'а, сопровождавшийся диспутом между учителем и учеником (как известно, это характерно для последователей ханафитского мазхаба); требование к обладателю иджазы ссылаться на учителя и соблюдать прочие (неупоминаемые, но известные обоим) условия.

На трех страницах (лл. 230б-231б) рукописи С 1040, содержащей "Китāб ал-ба'с ван-нуш'ур", эсхатологическое сочинение Аб'у

Багра Ахмада б. 'Али ал-Байхаки ал-Хусраугирди (994-1066 г.), помещены лаконичные записи о сама⁶, отдельные для каждой из четырех частей сочинения. Первую часть "целиком как есть слушали" (сами 'а-л-джуз'а куллаху 'ала-л-ваджх) у шейха (т.е. наставника) Абӯ 'Абдаллаха Мухаммада б. ал-Фадла ал-Фарави: читавший ее Абӯ Са'д 'Абдалкарим б. Мухаммад ас-Сам'ани, владелец рукописи Абӯ-л-Касим 'Али б. 'Абдаллах аш-Шайфи ад-Диманки, шейхи Абӯ 'Абдаллах Мухаммад б. Абй-л-Вафй б. Абй-л-Хусайн ал-Мадйни ал-Исфахани, Мухаммад б. Йалтакин б. Ахбар ал-Багдахи, Абӯ-л-Ма'али б. Ахмад б. Мухаммад ал-Исфахани, ал-Хусайн б. 'Али ал-Амули, удостоверивший имена (мусбит ал-асами) Махмуд б. Маймун б.

'Абдаллах ад-Дайуси. Закончивается первая запись датой - джумада I 530 г.х., Нишапур, мечеть ал-Мутарриз. Здесь нет речи об иджазе, но ясно, что каждый из упомянутых слушателей получил ее от наставника; собственно, эта запись и сама равноценна иджазе.

Аналогичные записи повторяются относительно второй, третьей и четвертой частей сочинения; они имеют даты в пределах того же 530 г.х., местом обучения остается та же нишапурская мечеть. Затем следуют записи об учебных заседаниях, состоявшихся в Дамаске в 548 и 552 гг.х. На этот раз учителем выступает то лицо, которое фигурирует в первой записи как владелец рукописи, обучавшийся у ал-Фарави. Перед нами, однако, не та рукопись, по которой велось обучение, а ее копия, которую изготовил Исб б. Сулайман б. 'Абдаллах б. 'Абдалмалик ар-Ру'айни ал-Андалуси ал-Малики в зу-л-ка'де 579/феврале-марте 1184 г.; заодно он скопировал с протографа эти записи-документы. Следовательно, этот андалусец, придерживавшийся маликитского мазхаба, запознал в свои руки (когда приезжал в Дамаск учиться?) книгу, которая принадлежала дамаскинцу шафитского мазхаба Абӯ-л-Касиму 'Али б. 'Абдаллаху, который сначала учился по ней на родине автора в Нишапуре, а затем преподавал у себя в Дамаске. Примечательны данные о перемещениях людей в рукописных книг; среди упоминаемых лиц есть одно, впоследствии очень известное своими трудами - ас-Сам'ани из Мерва.

В рукописи В 607, датируемой приблизительно УП/ХШ в., мы опять имеем дело со случаем, когда документ переписан с протографа; это - иджаза, помещенная на л.1а "История Мекки" ал-Азраки (ум. в 244/858г.); речь в ней идет о передаче способом қира'а. Здесь мы находим имя лица, писавшего иджазу - Абӯ-л-Валид ал-Баджи (ум. в 494/1100-01 г.); имя его шейха, которому он книгу

прочитал и от которого получил иджазу — Абӯ-л-Ҳадждад Иӯсуф б. Фатӯх. Далее следует перечень шести человек, через которых эта книга передавалась; последним из них значится автор. Таким образом, право передачи этой книги возводится через два с половиной столетия к самому автору. Подчеркивается, что каждый из них передавал книгу "по праву прочитавшего" (би-ҳаққ қирб'атиҳи). Абӯ-л-Валид утверждает, что получил иджазу не только на эту книгу, а на "все, что он (наставник) сочинил и передавал, на все, что он сам имел право передавать из переписанного и услышанного (т.е. полученного им путем самā' и нақл), на соответствующих условиях". Заканчивается иджаза, не имеющая указания времени и места, словами шейха "я разрешил ему это" и словами получателя "я записал это".⁵⁾

В рукописи В 1382 (на лл. II3а-II5б) находится иджаза, которая не связана ни с рукописью, ни с самим сочинением, а просто выписана откуда-то. Иджазу дает Аҳмад б. Абдалқадир ар-Рифā' и ал-Маккī своему ученику Челеби б. Аджаму Мударрис-заде Кипрскому.

Строение этой иджазы таково: после вводных формул и обычных славословий следует специальное восхваление хадисоведения и иснада (без него "всякий говорил бы, что ему вздумается"). Далее говорится об ученике, который проучился недолго и, пройдя около 20 хадисов из одного сочинения ас-Ҷаганī, просил разрешения передавать все (!), на что сам учитель имел иджазу. "Я согласился, — пишет последний, — стремясь продлить цепочку иснада, которая есть отличительная особенность этой славной общины". Затем он перечисляет своих учителей и приводит иснады "передаваемых" сочинений, восходящие вплоть до их авторов: "Я передаю «Сахīх» ал-Бухārī от своего учителя шейха Ибрāхīма б. Ҳасана ал-Каурбāнī ан-Шахраурī, а он [получил и передает] от своего учителя Сафīаддīна Аҳмада б. Муҳаммада ал-Муқаддасī ад-Диджāнī ал-Маданī ал-Ансārī ал-Кашāшī..., «Машāриқ ал-анвар» ас-Ҷаганī — от шейха Ибрахима..., от нафитского муфтия Мекки Зайн ал-Абидīна ал-Маккī, от его отца, от его деда... Высокий санад на «Сахīх» ал-Бухārī я добыл во время путешествия из Истанбула в город Тунис в 1090 году от Аҳмада б. Ҳасана ат-Тўниси ал-Мāлиқī..." Заканчивается иджаза указанием места и времени ее написания: остров Кипр, Тузда, 18 мухаррама III5/ 4 июня 1703 г.

Довольно поздняя и ординарная рукопись D 499, датированная XVIII в., содержит обширные комментарии автора XI в. ас-Сарахсī на

сочинение Мухаммада ан-Шайбани (ум. в 189/804 г.) по военному праву. В конце рукописи (л.698 а) переписчик поместил иджазу, которую выдал имам Қадихан своему ученику ал-Ҳасири и которая писана им собственноручно. Она была обнаружена в рукописи - автографе ал-Ҳасири, переписанной в Бухаре на улице ад-Дихфан. Почерк, видимо, был неразборчивым, так как копист читал его неверно и с ошибками.

Фахраддин ал-Ҳасан б. Мансур ал-Узджанди ал-Фаргани (ум. в 592/1196 г.), носивший почетное прозвание Қадихан ("ханский судья") был едва ли не единственным известным ученым, происходившим из г. Узгенда (или Узданда, - нынешнего Узгена в Киргизской ССР), который в течение короткого периода был столицей одной из ветвей династии Караханидов. Составленный им сборник судебных решений и правовых норм "Фатāвā Қадихан" был довольно популярен у юристов ханафитского мазахаба. Махмуд б. Ахмад ал-Ҳасири (1151-1238) учился в Бухаре, Нишапуре и Халебе, стал преподавателем медресе ан-Нурийа в Дамаске. Очевидно, именно в Бухаре Кадихан преподавал, а ал-Ҳасири учился у него и получил эту иджазу: "Говорит ал-Ҳасан... он [ал-Ҳасири] читал мне много книг, составленных учеными ислама и выдающимися людьми по установлению правил фикха и законам, различению дозволенного от запретного; а именно переданные Мухаммадом [ан-Шайбани] от Абӯ Йусуфа - Абӯ Ханифы «ал-Мабсӯт» и «ал-Джами' ас-сағир» и составленные Мухаммадом «ал-Джами'», «ас-Сийар ал-кабир», «аз-Зийадат» и облегчил Аллах шейху Махмуду [ал-Ҳасири]... прочитать их все, крепко усвоить их..., постичь подлинный смысл и достигнуть ступени, когда он может выносить судебные решения и преподавать (ифта' ва дираса). Он поднялся по лестнице благородства и главенства, да удержит Аллах при нем то, чем его одарил, и сделает ему убежищем рай. Я написал эти строки, надеясь, что он помянет меня доброй молитвой, ибо это - лучшее, что можно просить, и самое ценное, на что можно надеяться".

Подробный текст иджазы мы находим на лл.1146-1216 рукописи В 2158, происходящей из коллекции В.Иванова. Собственно, это еще не иджаза, а ее заготовка, которую составил от своего имени претендент Абӯ-л-Файд Мухаммад б. Мухаммад б. Марданшах ад-Даштпайндӣ, прозываемый Фасихом ал-Фариси. После обычного введения он переходит к прославлению знания, особенно хадисоведения, и затем - учителя по имени Абӯ Мухаммад б. Мухаммад б. Убайдаллах ал-Қайни ал-Бухари ал-Харави. Похвала учителю служит целям

автохарактеристики и самовозвеличения. "Счастье мусульманам, особенно ученым, что существует такой [человек] как наш наставник, которого аттестовали письменно шейхульислам Самаркандский, заставший его в расцвете жизни, Мухаммад б. Мухаммад ал-Джазари⁶ и Мухаммад б. Джалал ал-'Абди ан-Найсабур⁷ ас-Самарканди; а высокому иджазу ему дал Мухаммад б. Мухаммад б. 'Али ал-Хавэф⁷. Он поселился в деревне Джаграта^н в 813 [1410-11 г.] году и построил там медресе ал-Джалалийа и Дар ал-хадис ал-Джалалийа, стал величайшим знатоком, выпустил книги и "сороковки", назидательные раса'ил и выборки (ихтийарат), сочинил по прочим наукам книги (нусах ва зубур): «Қастамун ал-'улум», «Давами'ан-нахв» ..., «Книгу шахруховых наставлений» в двух томах, которую он сочинил в дар сокровищнице Шахруха, нынешнего султана... Я счастлив, что Аллах удостоил меня находиться постоянно при его превосходстве, сидеть у порога его совершенства; ради него я бросил друзей и страны и служу ему уже 9 лет. Мне удалось за это время прочитать ему и послушать полученные от него книги" (т.е. проработать под его руководством ряд книг способом қирā'а и самā').

И дальше следует огромный список сочинений, которые были им проработаны, с уточнением, когда и где происходили занятия: Нишапур, раджаб 823/июль-август 1420 г.; Зәхир⁸ Герата, раджаб 822 г.; Нишапур, "возле могилы Муслима", джумада II 823 г.; Сабзавар, ша бан 823 г.; Турбат ал-Джам, Мешхед, Бахарз, Байхак и др. "Теперь, - продолжает он, - я жду, когда он по щедрости и милости своей удостоит меня иджазой на все читанное и услышанное и разрешит мне передавать все, что передавали два его учителя, ал-Кирмāни и ал-Джазари" и перечисляет десятки сочинений по кораническим дисциплинам, хадису, грамматике и лексикографии, литературе, поэтике и стилистике. Кроме специальной иджазы на поименованное, он надеется еще на общую иджазу по неназванным наукам, "чтобы я мог передавать от него всю совокупность по праву передачи"; сюда должно войти "все, что он получил посредством қирā'а, самā', мунабвала, иджāза, все что он заучил наизусть, изобрел своим умом, сочинил и сочинит в будущем (!), и прочие (!) хроники, увещания, рассказы и повести, речи, афоризмы, стихи, анекдоты, послания вместе с их иснадами, восходящими к 675 (!) лицам, мужчинам и женщинам... Писал сме нижайший слуга шейха Абӯл-Файд... в зӯ-л-хиджже 828 [октябре-ноябре 1425] г. в Зәхир Герата".

Перечень сочинений, изученных египетским кадием XIV в. Ибн Дхамма⁶ой вкупе с возводящими их к авторам иснадами занимает 84 страницы по 35 строк мелким убористым почерком в рукописи С 2077 (XIX в., лл.16-43а); он озаглавлен "Машйахат қадї-л-қудāt Изаадийа ибн Дхаммā'а" и включает десятки названий трудов по хадису, фикху, тафсиру, богословию, истории, биографиям, филологии, а также - некоторых поэтических произведений.

Рукопись С 2042 (лл.1-100а) содержит собрание иджаз (числом 91), полученных 'Алимджаном ал-Баруди в конце XIX - начале XX вв. в Медине, Казани, Уфе и других местах на право передачи широкого круга сочинений. Ряд отдельных иджаз, полученных среднеазиатскими, дагестанскими и поволжскими "искателями знания" нового времени находится также еще в пяти арабских рукописях ЛО ИВ АН СССР (С 2302, D 332, В 4668, С 2178, С 1330).

Нельзя сказать, что подобные документы полностью игнорировались арабистикой, их наличие отмечалось в ряде каталогов арабских рукописей, иногда их текстуально цитировали, но специальное их изучение началось совсем недавно в работах Ж.Вайды,⁹ Салахаддина ал-Мунаджида и др. Интерес, который они представляют, очевиден. Прежде всего, важны сообщаемые ими конкретные детали: имена людей и названия сочинений, даты, названия географических пунктов и учебных заведений. Этот документальный материал освещает мусульманскую схоластическую традицию изнутри; зачастую он уникален, либо же дает ценные дополнения и параллели к тому, что известно из других письменных источников, и будет безусловно полезен при конкретных исследованиях истории культуры в локально-хронологических рамках. Рассмотрение этих документов, сопровождавших филологическую деятельность, как особого класса текстов, употребляемых в них формулировок, их строения, назначения, способов мотивировки и т.п. станет, очевидно, разделом средневековой арабской дипломатики.

¹ R.Y. Ebied, M.Z.L.Young, New light on the origin of the term "Baccalaureate", - The Islamic Quarterly. A Review of Islamic Culture, vol.XVIII, N 1-2, January- July 1974, с.3-7.

² Die Methodik des Diktatkollegs (Adab al-implā' wa'l-istimlā') von 'Abd-al-Karīm ibn Muḥammad as-Sam'ānī, hrsg. von Max Weisweiler, Leiden, 1952; N.Abbott, Studies in Arabic literary papyry. II. Law and Tradition, Chicago, 1971, с.33-64; F.Sezgin,

Geschichte des Arabischen Schrifttums, Bd.I, Leyden, 1967, с.53-60.

3) Салахаддин ал-Мунаджид, Иджазат ас-самā' фй-л-махтутāt ал-'арабийа, - Маджаллат Ма'хад ал-махтутāt ал-'арабийа, I, 1955, с.232-251.

4) С.Brockelmann, Geschichte der arabischen Litteratur, Bd.I, Weimar, 1898, с.382, N 48, 1.

5) Арабский текст иджазы приведен В.Р.Розеном в его каталоге: Notices sommaires des Manuscrits arabes du Musée Asiatique, 1-re livraison St.-Petersbourg, 1881, с.89.

6) Он был увиден Тимуром из Брусы в 1402 г. после победы над Баязидом и жил при Тимуре и Шахрухе в Самарканде, ум. в 833/1429 г. в Ширазе (В.В.Бартольд, Сочинения, т.II, ч.2, М., 1964, с.66 и 122, прим.14).

7) Он был первым мударрисом в медресе, основанном Улугбеком в Самарканде и умер в 845/1441 г. (В.В.Бартольд, там же, с.126).

8) Речь идет о каком-то поселении в пригороде г.Герата.

9) G.Vajda, Igāza, - Encyclopaedie de l'Islam, NE, III, G.Vajda, Les Certificats de Lecture et de Transmission dans les Manuscrits Arabe de la Bibliothèque nationale de Paris, Paris, 1957.

Вл.В.Полосин

О ПОДГОТОВКЕ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕАРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Для изучения доисламской Аравии мы располагаем весьма скудными эпиграфическими и археологическими материалами. Поэтому особенно большое значение имеет изучение древнеарабской поэзии - важнейшего и авторитетного свидетельства о многих сторонах жизни населения Аравийского полуострова, причем происходящего именно из этого региона, что позволяет нам взглянуть на Аравию глазами самих арабов.

Поэзия древней Аравии является предметом изучения уже не один век, однако понимание ее вызывает большие трудности и сейчас. Причин этому много. Главные затруднения обусловлены своеобразием мышления, особенностями мировоззрения доисламских поэтов, живших в родовом обществе, а также богатством и разнообразием лексики. Эти затруднения возникли и для самих арабов уже через 100-200 лет после создания стихов. На произведения древнеарабской